

Солнце завтрашнего дня

Автор:

[Екатерина Барсова](#)

Солнце завтрашнего дня

Екатерина Барсова

Великие тайны прошлого

Первое же дело Павла Рудягина оказывается необыкновенно сложным и запутанным. Это череда странных и страшных убийств, загадочным образом связанных с творчеством великого Пушкина. Чтобы разобраться в истории, корни которой уходят далеко в прошлое, молодому неопытному следователю придется вытащить на свет немало мрачных тайн. Пытаясь понять, какую роль в жестоких убийствах играют стихи Пушкина, Павел просит о помощи сотрудников историко-консультативного центра «Клио», и Василий с Анной рассказывают ему много интересного о тайной жизни поэта. Оказывается, он был секретным агентом на службе у правительства...

Екатерина Барсова

Солнце завтрашнего дня

© Барсова Е., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

И нет отрады мне – и тихо предо мной

Встают два призрака молодые,

Две тени милые, – два данные судьбой

Мне ангела во дни былые...

А. С. Пушкин

Боже! Было не просто холодно, а омерзительно холодно – ледяная мгла проникала под кожу. Дышать было трудно. Он старался делать вдохи как можно реже, но это помогало мало, в какой-то момент показалось, что еще немного – и его скрутит беспощадный сердечный приступ. Один раз так уже было, но слава небесам – отпустило, а вот теперь...

Он видел перед собой спину проводника и старался не отставать от него. Если разрыв увеличится, он может упасть и не подняться, а проводник так и будет идти вперед, не оглядываясь. Ужасно... В душе шевелился зыбкий страх, что эта тягучая зимняя мгла в конце концов поглотит всех. И никого не останется... Они уйдут под воду, и их тела найдут по весне.

Он обругал себя, поморщившись: ну что ты, как баба! Разнюнился, усмехнулся он про себя. Боевой офицер, а струсил. Если суждено тут умереть, значит, пусть так... Он глубоко вздохнул, ледяной воздух проник в легкие, и он закашлялся... Спина впереди слабо шевельнулась, но проводник не остановился, только немного замедлил шаг. Смерть, она всегда рядом, неожиданно подумал он. При слове «смерть» возникла картинка из детской книжки, которую он читал своей дочери пяти лет от роду. Машуле, Машеньке, Мышке, Мышонку, как ласково звал он ее за любовь к сказке про Щелкунчика... Еще они очень любили сказки Пушкина. Маша уже нарисовала кота на дубе со золотой цепью. Цепь напоминала пшеничные зернышки – одно к одному... Кот был красивым, черным... Как Лиза останется одна – он даже себе и не представлял этого. При воспоминании о дочери и жене стало плохо, реально плохо... Ну ничего, сказал он сам себе, стиснув зубы, я только обустроюсь и вызову их. Не могут они находиться там... Наступает царство безбожия, даже страшно подумать, что с ними станет. Он вознес Богу молитву – горячо, исступленно, он хотел приблизить тот момент,

когда они все воссоединятся и заживут обычной жизнью. Он вдруг подумал, что, наверное, для России понятие «обычная жизнь» еще долго будет непривычным. Она вырвана из естественного хода вещей и теперь истекает кровью. Что ждет страну? Об этом не хотелось и думать... Повинуясь неожиданному импульсу, он достал из кармана медальон и покачал им. На медальоне было изображение двух людей – матери и дочери. Самых дорогих и близких ему людей. Да не разлучит их и смерть... Он приложился губами к холодному металлу и поцеловал. Губы обожгло холодом.

Дорогая, шептал он, дорогая, дай бог свидимся...

Проводник обернулся и остановился.

– Что такое? – хриплым голосом спросил он.

– Скоро уже придем? – почти беззвучно шевельнул губами мужчина.

– Еще немного. Постарайтесь не отставать... Поднимается сильная вьюга. Если вы остановитесь, то упадете и... – Он выразительно замолчал.

– Да-да, я понимаю... – Он поднял голову к небу. Иссиня-серому, мрачному... – Все будет хорошо... и я вернусь, – вырвалось у него. Он размахисто перекрестился, и тут очень странное и неприятное мелькнуло перед глазами, как будто он на белом снегу увидел две соединенных руки, а в них – засушенную розу. Видение было таким ярким и четким, что он помотал головой, чтобы прогнать его. Резкий порыв ветра ударил ему в лицо, и он зашептал слова молитвы.

Глава первая

Тайник, найденный на крыше

Из мудрых никто не осмелится на следующие три вещи: к царям приближаться, пить яд для пробы, вверять тайну женщине.

Иоанн Дамаскин

Приморский город. 12 лет назад

Он поднялся на чердак. Это было его любимое место. Он часто поднимался туда и ощущал непонятное жжение в горле, словно его охватывала жажда и хотелось пить. Он предусмотрительно запасался большой бутылкой с прохладной водой, откупоривал ее и начинал пить жадными большими глотками. Напившись, он закрывал бутылку и приступал к своему ритуалу, не изменявшемуся на протяжении вот уже двух лет. Этот чердак достался ему по наследству. Он жил на последнем этаже старинного дома, находившегося в нескольких метрах от моря, и прежде на этот чердак, превращая его в кладовку, складывала разные вещи его мать. В помещении стоял чуть кисловатый запах, как от человека, который не мылся несколько дней. Он хмурился и пытался внушить матери, что старые вещи нужно выкидывать, а не ждать, пока они окончательно истлеют. Но его, как всегда, не слушали. Ах, ах, смеялась звонким голосом мать, что ты такое говоришь, это еще послужит тебе и мне... При этих словах она разворачивала какую-нибудь ветошь типа старого пальто. Встряхивала его и кидала ему, чтобы он поймал на лету. Он ругал себя последними словами, но ловил это тяжелое, пропахшее нафталином пальто, а поймав, стоял с непонятным выражением лица, ожидая дальнейших приказаний.

Мать два раза в год перетряхивала чердак. Старые вещи разворачивались и внимательно пересматривались. Иногда отправлялись на помойку, в основном складывались обратно. Зачем ей нужен был этот осмотр – он не знал. Да, они жили трудно с тех самых пор, как пропал отец, но ведь не до такой степени, чтобы складировать всякую рухлядь. Отец исчез из их жизни, когда ему было пять лет. Воспоминания об отце распадались на маленькие калейдоскопичные эпизоды, которые трудно было свести в одну картину. Он помнил, как крепкие отцовские руки подхватывали его и поднимали ввысь, и тогда он видел море и набережную, церковь, старые дома, песчаную полосу пляжа... Помнил он и руки отца – крепкие, мозолистые...

Отец, по словам матери, однажды просто не пришел домой. После заявления в полицию завели дело об исчезновении. Были опрошены соседи, знакомые, коллеги отца, но все было тщетно. Никаких следов, он словно испарился и превратился в морскую пену, как русалочка из сказки Андерсена, которую мать читала ему в детстве. Потом дело сдали в архив, и они с матерью стали жить вдвоем. Мать выбивалась изо всех сил, стараясь поддержать достойный образ жизни, но ее работа была неквалифицированной, и платили ей мало. Он привык

к тому, что питались они скромно, он подолгу носил одежду и обувь, мать не баловала его игрушками и другими вещами. К этому он привык. Смириться с отсутствием отца было значительно труднее. Он мучительно завидовал тем, у кого отцы были, не важно какие: богатые или бедные, красивые или страшные, высокого роста или маленькие, примерные семьянины или алкоголики. Все это казалось ему неважным. Главное, сам факт наличия отца. Он с тоской смотрел на приятелей, которых воспитывали отцы, вели с ними мужские разговоры, наставляли, ругали и поддерживали. Втайне он злился на мать, но старался ей этого не показывать, хотя с годами это становилось все труднее.

Когда он подросток, то попытался расспросить мать: куда же мог пропасть отец? Не было ли у них ссор, как они жили? На все вопросы мать отвечала уклончиво, и складывалось впечатление, что отец был призраком, он словно и не существовал.

Но все же, но все же... Он часто натыкался на незримые, но оттого не менее ощутимые следы отца, его книги, вещи, которые мать не снесла на помойку, а отправила на чердак. Он подозревал, что именно после исчезновения отца мать и превратилась в мадам Плюшкину, трясущуюся над каждой вещью. Наверное, она не чувствовала себя уверенно в этом мире, и обилие предметов внушало ей чувство собственной значимости. Понятное дело, это были его домислы, а как обстояло дело на самом деле – он не знал. Мать с ним своими сомнениями, мыслями и страхами не делилась.

Она работала уборщицей в поликлинике и еще подрабатывала посудомойкой в одном кафе. Приходила поздно, кратко говорила с ним и шла спать...

В его занятия она особо не вникала, учеником он был средним, учеба его интересовала мало. Ему не нравились ни технические, ни гуманитарные предметы. Кроме, пожалуй, истории. И то – выборочно. Но в отцовской библиотеке были старинные книги. Он любил доставать их, рассматривать... Книги были с ятями и ижицами. Ему нравилось читать их, перелистывать пожелтевшие страницы и вглядываться в виньетки, украшающие текст. Откуда они взялись – он не знал...

Жизнь текла параллельно... У матери – на работе, у него – в школе и дома. Он любил оставаться один, когда ему никто не мешал. Сам делал уроки, потом читал книги или уходил гулять. Друзей у него было немного, среди них – девчонка, с которой он учился в художественной школе. Втайне он был в нее

влюблен, но она словно не замечала его... И это ужасно злило. Иногда он представлял, как она оказывается полностью в его власти и он делает с ней все, что хочет...

Однажды он узнал правду, которую старалась скрыть от него мать. Его отец был вором, и пропал он, видимо, не просто так. Скорее всего, его убили свои же, а тело выбросили в море. Поэтому его и не нашли...

Он уже привык к жизни с матерью и не мыслил себе другой, как внезапно наступила свобода – мать умерла, и он разом почувствовал себя хозяином большой квартиры в старинном доме с высокими потолками и чердаком. Надо было что-то делать с вещами матери. Он очистил ее комнату полностью, но что делать с чердаком – не знал... Старые пальто в количестве пяти штук он выкинул не глядя, так же как потертые на сгибах занавески, два чугунных утюга, коробки со старыми нитками для вязания, аккуратные юбки из материнской молодости. Немного поколебавшись, выкинул старые резиновые сапоги в хорошем состоянии. Потом настал черед старых журналов и брошюр, перевязанных бечевкой. Первый экземпляр, выцветший до неузнаваемости, назывался «Учебник акушерства и гинекологии». Зачем мать это хранила, непонятно... Книги отправились на свалку, как пальто и другие вещи. Но там, между книгами, он нашел старые тетради, хранившиеся в двойном полиэтиленовом пакете. Он развернул их и стал читать записи... И чем больше читал, тем страшнее ему становилось... Но вместе с тем в него проникал какой-то сладкий ужас. «А ты бы так смог?» – шептал непонятно чей голос. Почему бы и нет... Отрубленные человеческие руки. Роза...

Он понял, что в скором времени переедет в Москву и разыщет ту самую девочку, в которую когда-то был влюблен. Но прежде сделает небольшую пластическую операцию, чтобы его никто не мог узнать. Продаст квартиру и уедет...

Москва. Наши дни...

Павел Рудягин подумал о том, что еще несколько лет назад он и не мечтал жить в Москве, тем более обладать квартирой в историческом центре Первопрестольной. Многие считали, что Павлу Рудягину сказочно повезло. Из небольшого городка в Ярославской области переехать в Москву было пределом мечтаний для многих. Паша отнесся к этому философски спокойно. Дело в том, что в душе он не верил случившемуся. Ему казалось, что он просто самозванец,

которого скоро разоблачат, и он вернется на свое место, то есть обратно в родной город. Честно говоря, он был бы этому рад. Он толком не привык к Москве и не мог ответить на вопрос, почему все рвутся в большой мегаполис. Еда невкусная, воздух загазованный, люди злые... Может быть, он чего-то не понимает? Отстал от жизни. Он говорил сам с собой, словно хотел кого-то убедить в собственной правде. Но по большому счету – кого и зачем?

Память его возвращалась к моменту, когда он узнал о том, что стал обладателем столичной недвижимости. Утро началось как обычно – отец уходил на работу, мать готовила им с сестрой завтрак. Неожиданно раздался звонок от московской родственницы, она всхлипывала и причитала, что Нина Семеновна умерла, а квартиру оставила сыну двоюродной племянницы, то есть ему, Паше. Более близкие родственники, претендовавшие на квартиру, к Нине Семеновне не ездили, отделяваясь редкими визитами раз в полгода. Привозили с собой дежурные наборы конфет и фруктов и благополучно сваливали до следующего посещения, редко звонили и не справлялись, как дела... Понятно, почему старушка прокатила их с наследством. Но почему ее выбор пал на него? На Павла? Этого никто толком не мог объяснить. Мать вспомнила, что когда-то она собиралась по молодости, по глупости поступать в театральный. Приехала в Москву и остановилась на это время у Нины Семеновны. Та приняла ее и помогла подготовить басню «Стрекоза и Муравей» и монолог Софьи из «Горя от ума». В театральный мать не поступила, уехала к себе домой, подала документы в ярославский вуз, вышла замуж... На этом контакты с тетушкой оборвались. Мать регулярно отправляла Нине Семеновне поздравления и открытки – впоследствии Павел нашел их у нее дома, аккуратно сложенные в первом ящике буфета – и это были все их контакты...

Когда раздался звонок родственницы, все подумали, что это розыгрыш, но все оказалось правдой, и с этим новым поворотом в жизни надо было что-то делать. Сначала Паша старался просто успокоиться, потому что от неожиданного известия пульс его стал учащенным. О Москве он никогда не думал. А тут... Принесли все на голубом блюдечке, сказала школьная учительница, которая упорно ставила ему тройки, не обращая внимания на старания. Она попросту не любила Пашу, хотя ее предмет – алгебру – он знал на твердую четверку.

Эх, блюдечко, эх, голубая каемочка. Все это не так...

С того момента, когда он мог на законных основаниях вступить в права наследования квартирой, прошло полгода. И вот он с родителями выехал

в Москву, чтобы поселиться на новом месте. Паша старался хранить безучастный вид, демонстрируя окружающим, что ему все равно. Пусть не думают, что он будет прыгать на задних лапках или скулить от щенячьего восторга.

Когда автобус подошел к остановке и они сошли на тротуар, Паша ахнул: прямо за остановкой раскинулось дерево – наполовину красное, наполовину золотое – как в сказке... Он пошел за родителями, не останавливаясь. Они двигались за нотариусом. Звали ее Аллой Федоровной, ее ярко-красный плащ сигнализировал им раздражающим маяком.

Через десять минут вошли во двор, пересекли его и оказались перед дверью шестиэтажного дома.

– Дом хороший, – сказала Алла Федоровна, окидывая здание цепким взглядом оценщика. – Крепкий, простоит еще сто лет и никакой реновации не потребует. – Она набрала код и потянула дверь на себя.

Они нырнули в подъезд, и дверь захлопнулась за ними с гулким звуком. В этот момент Паша обернулся назад, словно желая удостовериться, что дверь на месте и выход есть.

На третий этаж они поднялись пешком – лифт в шахте двигался медленно, ворча и громыхая цепями. Никто из них не захотел ждать, поэтому рванули вверх по лестнице, растянувшись в цепочку: первой Алла Федоровна, потом отец, следом мать. Замыкал это шествие Павел.

По лицу Аллы Федоровны было видно, что она изо всех сил старается скрыть зависть к деревенщине, которой внезапно повезло получить недвижимость в центре Москвы. Эта зависть таилась в ее двойном подбородке, острых карих глазах, губах, которые она то поджимала, то вытягивала в трубочку, с шумом вдыхая воздух. Она таилась в нарочито суетливых жестах. Женщина смотрела то подобострастно, то презрительно, не понимая, как смешно она выглядит со стороны.

Перед тем как открыть дверь квартиры, Алла Федоровна с важностью взглянула на них, словно призывая отнестись к моменту со всей серьезностью, потом вставила ключ в замок, повернула на два оборота, с усилием нажала на дверь, и та распахнулась.

- Прошу! – торжественно произнесла Алла Федоровна.

Она зашла в коридор, они следом.

Первое, что бросилось в глаза Павлу, – старинный трельяж с тяжелой красивой окантовкой – литые розы с вензелями. Мама дорогая! Вот красота! Такие зеркала Паша видел только в музее, а здесь прямо дома! Они прошли на кухню – высокие потолки, мебель старая, похоже, еще из советских времен. Кухня была не очень большой, но из-за высоты потолков складывалось впечатление, что помещение залито светом. Потом осмотрели две комнаты: одна побольше – гостиная, сказала Алла Федоровна, растянув гласные, отчего получилось – го-о-остин-на-а-ая... да еще с блеском в глазах. У одной из стен стояло пианино – было видно, что тоже старинное. Буфет с посудой, легкие занавеси. Изящная люстра, на полу – сине-красный ковер.

- Теперь в спальню хозяйки, – тем же торжественным тоном объявила Алла.

В спальне находиться было тяжело, там еще держался стойкий запах лекарств, на стуле лежала стопка одежды, а на полу перед большой кроватью стояла пара разношенных тапочек неопределенного цвета.

- Это вы осмотрите потом. – Алла Федоровна быстро развернулась, и они вернулись в гостиную.

Паше было вручено свидетельство о наследстве. В голове у него стоял легкий туман, но мать и отец документы прочитали внимательно – два раза.

Затем Алла Федоровна выразительно посмотрела на них.

- Сверх гонорара – еще вознаграждение, – сказала она.

Грабительскую, по Пашиным меркам, сумму удалось скостить на тридцать процентов, и Алла Федоровна ушла, всей своей спиной в ярко-розовом плаще показывая презрение к выскочкам, которые прыгнули из грязи в князи.

Запах тяжелых духов выветрился, они сели на диван в гостиной. При каждом движении родителей диван издавал скрипучие звуки, словно жалуясь на

непрошенных жильцов.

Павел сидел напротив них на стуле с изогнутой спинкой. Разговаривали они почему-то негромко, чуть ли не шепотом, как будто кто-то мог их услышать. Говорили о какой-то ерунде – о банках с консервированными помидорами, о соседке, у которой дочь рожала третьего, о том, что отца могут уволить с работы в любой момент, а его сестре Татьяне требуются новая куртка и сапоги. Наконец отец встал и слегка хлопнул ладонью по столу:

– Ну, мы с матерью поехали обратно. А ты здесь осваивайся.

– Звони нам, – прибавила мать.

– Вы не останетесь? – глупо спросил Павел. – Переночевали бы здесь.

– Нет. У нас дела, да и Татьяну оставлять одну не хочется.

Татьяна была Пашиной младшей сестрой двенадцати лет.

– Да-да. Я понимаю... Танька темноты боится. Один раз я ее напугал, так она со мной два дня не разговаривала.

– Герой! – Отец осуждающе фыркнул, но хлопнул его по плечу.

Павел проводил родителей до двери. Мать чмокнула его в щеку. Отец кивнул и сделал каменное лицо: мол, не дрейфь, прорвемся.

Хотелось сбежать вслед за ними по лестнице, он еще никогда не жил один, без семьи. Было чувство, что его рассекли пополам. Но Паша понимал что будет выглядеть маменьким сыночком и слюнтяем, а он уже взрослый человек и работает в полиции. Поэтому придется сдерживать свои порывы и не раскисать.

Они ушли, и Павел остался один в незнакомой квартире, которая теперь принадлежала ему.

Он подошел к трельяжу в коридоре. В полутьме его глаза почему-то казались разного цвета: один черный, другой – зеленый.

Паша взъерошил волосы, в неярком свете не было видно его главного недостатка – светло-рыжих волос, которых он в детстве отчаянно стыдился. Потом-то свыкся, как и с веснушками, а со временем они еще выцвели и стали не такими яркими, как в детстве.

Он еще раз посмотрел в зеркало: запавшие глаза и твердый подбородок. Симпатичный он? Или так себе? Раньше вопросы внешности его не волновали. А вот теперь... Серьезных отношений у него еще ни с кем не было. Была случайная кратковременная связь с молодой женщиной из соседнего города, которая длилась пару месяцев. И все. Друг Витя перед отъездом напутствовал его:

– Ты смотри там, быстро женишься на москвичке, и всё! Пропала твоя холостяцкая свобода.

– Я об этом даже не думаю.

– Понятно, когда будешь думать – станет уже поздно, окольцуют, и глазом не моргнешь... – заржал Витька.

– Да ну тебя! – вспыхнул Паша. – Следи за базаром.

Ему сейчас не до москвичек: на днях должен был решиться вопрос о трудоустройстве. Папин бывший однокашник работал в московском МВД и обещал оказать содействие. Паша ждал с замиранием сердца: хоть бы скорее все решилось... Тогда бы он не был в подвешенном состоянии, не зная, что у него с работой. Правда, если бы сошелся пасьянс и с квартирой, и с работой – это было бы перебором, слишком много подарков судьбы сразу. Ну а вдруг... Паша не верил в чудеса с момента выхода из возраста, когда ожидаешь под Новый год Деда Мороза, но все же...

Ту свою первую ночь в чужой квартире Паша помнил смутно. Он лег на полу – постелил одеяло, думая о том, что теперь он здесь надолго. С утра начал разбор завалов. Нужно было вынести на помойку лишние вещи, которые ему не нужны... Он нашел таджика-дворника, вместе они вынесли кровать, потом пару табуреток. Одежду он собрал в мешок и вынес на помойку уже сам. Гардероб пока трогать не стал... Кухонную мебель решил сменить при первой же возможности... Вымыл полы, протер окна – к вечеру квартира засияла, задышала

прохладной свежестью... Из холодильника Паша вынес испорченную еду и закупил новую.

И в первую, и во вторую ночь в квартире странно скрипели половицы. Паша ворочался с боку на бок... Ветер тоненько ударял в окна и нежно свистел, словно выводил серенады... Пару раз он просыпался и лежал, всматриваясь в темноту. А вдруг явится призрак хозяйки? Ругал себя за глупость и засыпал снова...

Через несколько дней вопрос его трудоустройства решился самым наилучшим образом: его взяли следователем в отдел соседнего района, и Павел готов был прыгать от радости, несмотря на то, что уже не мальчишка. Ему казалось, что впереди интересная классная жизнь. А как же иначе! Чудеса не должны прекращаться, пусть длятся в пространстве и времени, опровергая все расчеты и сомнения.

* * *

Она читала это письмо, конечно по ошибке попавшее к ней на электронную почту. Какой-то спам. Бред сумасшедшего. Ну почему, почему все это выпало ей? Она посмотрела на мужа-профессора, спящего на кровати безмятежным сном, и передернула плечами. Что будет с ней? А что с ним? Возникло искушение: разбудить мужа и во всем признаться... Тогда ей станет легче и она освободится от тяжелых мрачных мыслей. Это уже второе письмо. Следовательно, ее мысли о том, что оно попало к ней по ошибке – всего лишь ничем не подкрепленная иллюзия. На самом деле письмо доставлено точно адресату! Ей! Боже мой! Интересно, чем она прогневала небеса, раз ей стали приходить такие письма... Говорить ли вообще об этом кому-либо или промолчать? Она не знала, как быть. Ее мир, такой уютный, разлетелся на ее глазах вдребезги, и что с этим делать – ни одной толковой мысли в голове не было.

Но если она признается мужу, то как он отнесется к наличию у нее молодого любовника? Она никогда не доставляла мужу хлопот, у каждого из них была своя жизнь... Он ее убьет, разведется, выкинет из дома? Какой вариант он выберет? И куда она пойдет, если своего дома у нее нет? Оказаться на улице – это ужасно! Снимать квартиру – нет денег! И как ей быть? Нет, допустить этого ни в коем случае нельзя. И что тогда? Молчать и делать вид, что ничего не происходит? И надолго ее хватит? А тот... клязник и скотина... каковы будут его дальнейшие шаги?

Об этом было страшно думать... Так страшно, что у нее сводило скулы и стучали зубы – от невозможности что-либо изменить и собственного бессилия. На цыпочках она вышла из спальни на кухню и опустилась на табурет. Выпила холодной воды и снова включила сотовый. Там, на экране, горели, впиваясь в мозг, слова: «Ну что, сучка, допрыгалась? Скоро ты получишь свое! Наставляешь рога мужу, кувыркаясь с молодым трахалем. Не боишься, что муж все узнает? Ты, сучка, живи теперь в страхе, что в любой момент все выплывет наружу... Но я пока говорить не стану. У меня к тебе свой счет и отдельные требования... Так что – жди!»...

Она выключила сотовый и заплакала – тихо, боясь разбудить мужа... Вспомнила первое письмо. По содержанию оно было примерно таким же, но еще короче...

Кто же ее так возненавидел? Что за скотина? И тут ей впервые пришла в голову мысль, что это может быть женщина...

* * *

Первое же дело поставило его в тупик. Начальник Вась Васич вызвал его и сказал, строго глядя из-под очков:

– У нас труп. Бригада уже выехала. Сходи на место и пообщайся с соседями. Потом мне доложишь.

– Кто убит?

– Некий Диянов Александр Владиславович. 43 года. Человек без определенной профессии. Каскадер, актер кино, рекламный агент, менеджер в российско-французской компании IST. Наверняка есть еще куча мест, где он работал. Не женат, из родственников – сестра. Поезжай и побеседуй. Сестра уже выехала, ее поставили в известность.

– Понял.

Паша встал со стула и стоял, переминаясь с ноги на ногу.

- Что-то еще? - В голосе Вась Васича прозвучало недовольство.

Ему хотелось сказать: благословите меня на первое дело, но вместо этого он кивнул:

- Нет, все понял.

- Тогда - с Богом!

Закрыв дверь, Паша подумал, что благословение от начальника он все-таки получил.

* * *

Квартира Диянова располагалась на пятом этаже хрущевки. Поднимаясь пешком, Павел подумал, как тяжело, наверное, пенсионерам подниматься несколько раз в день по этим ступенькам.

Но эти мысли сразу вытеснил шум, который - и в этом он не мог ошибиться - шел сверху.

В квартире работала бригада. Почти все Паше были знакомы, кроме одного - молодого человека с холодными глазами и коротко стриженными, светлыми волосами. Он посмотрел на Пашу.

- Новенький? - Тон был достаточно высокомерным.

Вместо ответа Паша достал корочки.

- Вижу, - процедил блондин сквозь зубы. - Я документы не спрашивал. Просто спросил, если ты не понял. Твоя ксива мне не нужна.

- А я показал.

- Андрей, кончай выпендриваться. - Это подала голос Светлана Самойленко, криминалист.

В соседней комнате находился судмедэксперт. Паша молча прошел туда.

С Виктором Николаевичем Костенаки он обменялся кратким энергичным рукопожатием.

– Убит поздно вечером или ночью. Кто-то пришел к нему, судя по всему, знакомый. Ему открыли дверь, так как нападения не ожидали. Убили, потом отрубили руки, а в них вложили розу.

– Ужинали вместе? Выпивали?

Виктор Николаевич отрицательно покачал головой:

– Нет.

– Значит, вошел и убил? – подытожил Павел.

– Получается, что так. Соседи говорят, что ничего не видели и не слышали.

– Кстати, где они?

– Уже ушли. Вот показания.

– Можно?

Светлана протянула ему листы бумаги.

– Смотри.

Павел пробежал показания глазами. Сейчас ему важно было лично побеседовать с соседями и попытаться выжать из них максимум возможного. Эти слова он прочитал в какой-то рекламе заезжего гуру по психологии, и они ему понравились.

– Вот еще нашли рядом с трупом. – Светлана протянула ему листок бумаги, на котором были написаны стихи. «Я жил тогда в Одессе пыльной: Там долго ясны небеса...» Под стихами стояло: А. С. Пушкин. – К чему это?

– Будем выяснять...

В соседней комнате сидела молодая девушка. Она хлопала глазами и не очень понимала, что от нее хотят.

– Я же все написала.

– Да, – Павел стоял напротив нее, – это так. Но вы ничего не упустили? Вот смотрите, вы написали, что покойный любил приводить к себе друзей и из его квартиры доносился шум. Это так?

– Ну да! Он еще слушал музыку. Мне норм, а вот маман она раздражала, и та часто высказывала недовольство.

– И что она делала по этому поводу? Стучалась к соседу, чтобы тот уменьшил громкость?

Девушка пожала плечами:

– Нет. Она понимала, что все бесполезно. Это она мне высказывала свое недовольство. Типа, утешения и поддержки искала. А я что могу?

– Можно поговорить с вашей мамой?

– Она сейчас в санатории. Дали путевку, и она уехала.

– Ясно. А когда вернется?

– Через две недели.

Павел достал блокнот и сделал пометку.

– Что еще вы можете сказать о вашем соседе?

– Обычный мужик. Ничего особенного я не заметила. Без примет... так, кажется, говорят на вашем сленге. – Она хихикнула.

У нее были светлые спутанные волосы и тонкие выщипанные брови. Худая, словно прозрачная...

– Женщин часто водил? Написано, что холостяк.

– Я не подглядывала. Постоянной не было...

– Тогда, Софья Николаевна, я с вами раскланиваюсь. Если что-то вспомните – сообщите. – С этими словами Павел протянул девице визитку, та убрала ее в карман и кивнула.

«Информативненько», – пробормотал про себя Павел.

Соседка в другой квартире – справа – была пожилой женщиной восьмидесяти трех лет. Она долго пыталась понять, что от нее хочет Павел.

– Ничего сказать не могу. Видела его не так уж часто. Я на улицу в последнее время выхожу редко. Все больше дома сижу. Трудно мне стало ходить. Суставы ноют да голова кружится. Пару раз видела его с женщиной – худой брюнеткой с перекошенным ртом.

– Почему с перекошенным?

– Молодой человек, откуда я знаю?

Судя по ее словам, Диянов прежде водил к себе друзей, но примерно два месяца назад стал вести жизнь отшельника.

– Вы его часто видели?

– Нет. Я редко выхожу из дома. Пятый этаж... Пока поднимешься, богу душу отдашь... Не набегаешься...

Задав еще несколько вопросов, Павел распрощался.

В квартире Диянова уже сидела его сестра – женщина лет сорока с небольшим, среднего телосложения, с кудрявыми волосами. Она вскинула на Павла глаза и тут же опустила их.

– Я не знаю, как это получилось... – Она сжимала и разжимала руки. Павел обратил внимание, что маникюр у нее облупился, на правой руке – обручальное кольцо.

– Вероника Сергеевна, – сказала Светлана. – Вы были близки с вашим братом?

– Ну как близки? Не особо. Мы сводные – по отцу. У нас разница в возрасте почти десять лет. Я старше, он моложе. У каждого из нас была своя жизнь.

– Когда вы видели брата в последний раз?

– Месяца два назад. Но мы перезванивались... Не часто, но общались.

– По какому поводу вы встречались?

Павлу показалось, что женщина несколько смутилась.

– Просто так. Пообщаться по-родственному.

– По-родственному? – с нажимом спросила Светлана.

– Ну... моя дочь Лиза хочет поступить в театральный. Я просила брата о содействии. У него связи, он в этих кругах давно вращается, и я надеялась, что он поможет Лизе, раз она так загорелась. – И женщина осуждающе поджала губы.

Паше вспомнилась собственная мать, которая давным-давно, во времена царя Гороха, как любил говорить отец, желая подчеркнуть давность события, тоже поступала в театральный. Все девчонки почему-то мечтают поступить в театральный! Почему? Неужели они думают, что жизнь актрисы – это молоко с медом? Дрязги. Интриги. Годами нужно ждать своей роли. А потом все уместается в слова «кушать подано». Зачем гробить на это жизнь, единственную и неповторимую? Какое счастье, что его мать провалилась. Уехала обратно в Ярославль, поступила в институт, а потом встретила отца. И сложилась у нее нормальная жизнь... Да, были вещи, неподвластные Пашиному уму, и завихрения молодых девиц на почве театра – одно из них.

– Он говорил, что у него есть связи?

– Да... обещал помочь.

– Что вы можете сказать по поводу личной жизни вашего брата? – спросил Павел.

– Он меня в известность об этом не ставил. Были подруги, женщины, как я догадываюсь, брат был привлекательным мужчиной, к тому же холостым. Конечно, в одиночестве не прозябал.

– И он ни разу не был женат?

– Нет.

– Вы можете назвать друзей вашего брата?

– Одного. Кирилла Морозова. Друг он там или нет – я не в курсе. Просто единственный, кого я знаю. Мы встречались с братом в кафе, а он еще одну встречу там же назначил. Я уходила, а Кирилл этот как раз пришел. Брат нас представил. А больше я никого не знаю.

– Ваш брат жаловался на что-нибудь в последнее время?

Вероника Сергеевна отрицательно покачала головой:

- Нет.

- А можно побеседовать с вашей дочерью? – вдруг задал вопрос Павел.

- Зачем?

- Она же общалась с вашим братом. Он хотел ей помочь поступить в театральный...

- Общалась...

- Не дадите ее телефон?

- Вряд ли это необходимо.

- Вероника Сергеевна, – подала голос Светлана. – Следствие разберется, что необходимо, а что нет.

С видимой неохотой Вероника Сергеевна продиктовала телефон своей дочери.

- Только меня предупредите заранее.

- Конечно!

На улице, когда они шли пешком к метро, Светлана сказала:

- Ты все делал правильно, молодец!

- Это ты, конечно, специально, чтобы меня подбодрить.

- Ничуть.

Светлана была молодой мамой, ее дочери Кире было пять лет. Она ласково звала ее Кирюшка, несмотря на уверения окружающих, что это производное от мужского имени Кирилл. Ее муж работал в банке, семья была дружной, Светлана говорила, что она вытянула счастливый билет.

- Спасибо. - Пашины уши предательски заалели.

- Слушай, - Светлана взглянула на часы, - у нас еще есть время до возвращения на работу. Можем зайти в кафешку перекусить.

Кафешка оказалась предприятием быстрого питания, которые Паша недолюбливал. Все-таки он еще не отвык от маминых котлет и компотов. Глядя на Свету, которая лихо вонзила зубы в высоченный бургер, Паша подумал, что через некоторое время он и сам станет таким. И забудет мамины компоты.

- Ты, главное, не тушуйся. Вась Васич - человек добрейший, но иногда любит напускать строгость. Не бери в голову. В смысле, не расстраивайся особо.

- Постараюсь, - пообещал Паша.

- Кто там у нас еще?

- Андрей... Он явно хотел меня поддеть. Не скажу, что было особо приятно.

- Андрей - говнюк еще тот! - с некоторой горячностью воскликнула Светлана.

И Паша внезапно подумал, а не вызвана ли эта горячность, скажем, личными мотивами. Но сразу же отогнал эту мысль. По большому счету это его никак не касается. Светлана - отличный коллега и товарищ. А все, что выходит за эти рамки, не важно, в конце концов, пусть с этим ее муж разбирается.

Паша деликатно промолчал.

- Он вообще-то неплохой, - после недолгой паузы протянула Светлана. - Но жизнь его довела. Жена бросила и не дает общаться с дочерью. Нашла себе богатея, а ему отставку дала. Вот он и... выпендривается.

Капля густого кетчупа повисла на подбородке женщины.

- У тебя здесь капля... - показал Павел.

Та быстрым движением стерла ее салфеткой и вопросительно посмотрела на него.

– А сейчас как?

– Все нормально.

– Так что коллектив у нас хороший. Ты не думай, – продолжила Света. – Люди золотые. Каждый со своей судьбой. Сам понимаешь. У кого лихо свое, у кого тараканы в башке. Не без этого. Но если впишешься, работать сможешь. – Она скользнула по нему внимательным оценивающим взглядом. – Мне почему-то кажется, что у тебя все получится. Есть в тебе нечто... – Свою мысль она не закончила.

– Все золотые? Даже Костенаки? – спросил Павел.

– Даже Костенаки, – кивнула Света. – У него пацан погиб. В возрасте пятнадцати лет. Остались две девочки-близняшки, Рита и Карина. Но никто не заменит, как ты понимаешь, погибшего сына...

– Конечно, понимаю, – кивнул Паша.

Но в голове у него вертелся один-единственный вопрос: кому понадобилось отрубить убитому руки. И зачем в них вложили розу? Думать об этом было жутко. По спине поползли мурашки, хотя Паша понимал, что он находится на работе и должен быть стойким солдатиком, а не размякшей тряпкой. В оправдание своему поведению он говорил себе, что таких дел у него просто еще не было, он даже представить не мог, что такое возможно...

– А что ты думаешь по поводу пушкинских стихов? – спросила Света.

– Трудно сказать... Может, прикалывается просто. Хотя зачем... – сказал Паша, но как-то неуверенно.

– Любитель? – фыркнула Светлана. – Чует мое сердце, что не такой уж он и любитель...

Глядя в глаза Светланы, Павел вдруг подумал, что она не так уж и молода.

- Сколько лет ты здесь работаешь?

- Почти десять. А ты думал, что я девочка-припевочка? – усмехнулась Светлана. – Мне, между прочим, уже тридцать пять.

- Не может быть! – притворно ахнул Павел.

- А вот говорить комплименты ты пока не научился. – Женщина посмотрела на часы. – Доедай и пошли. А то Вась Васич будет сердиться. А начальство надо любить и не раздражать.

* * *

Вась Васич ворчал и кряхтел, высказывал недовольство, Светлана все бодро отрапортовала за двоих. К концу дня у Павла была уже голова кругом. Он не поехал домой на автобусе, прошелся пешком.

Я жил тогда в Одессе пыльной:

Там долго ясны небеса,

Там хлопотливо торг обильный

Свои подъемлет паруса;

Там все Европой дышит, веет...

При чем здесь Пушкин? Почему листок с этими стихами оказался у трупа? Паше казалось, что это дурацкий розыгрыш. Если бы... Если бы не труп. Паша впервые столкнулся со смертью, это было его первое дело.

Главное, не ударить лицом в грязь и справиться. Будет обидно, если он не потянет. Около дома, прежде чем нырнуть в подъезд, Паша поискал глазами свои окна и вдруг понял, что не знает, где они. И еще надо будет привыкать к тому, что этот дом – его. В подъезде он посторонился, пропуская вперед старушку с белой псиной. Собака деловито обнюхала его и тявкнула. Больше для

порядку, чем от злости.

Паша подумал, что теперь он живет в этом доме и должен здороваться с другими жильцами, а то как-то невежливо получается.

- Здравствуйте! - громко сказал Павел уже в спину пожилой женщине.

Серое пальто шевельнулось.

- Здравствуйте, - услышал он в ответ.

И Паша улыбнулся.

Дома было пусто. К этому тоже надо было привыкать - сколько он себя помнил, всю жизнь жил с родителями. А теперь он один.

Глава вторая

Белые начинают и проигрывают

Если тебе тяжело, значит, ты поднимаешься в гору.

Если тебе легко, значит, ты летишь в пропасть.

Генри Форд

На другой день в сквере он встретился с Лизой, племянницей убитого, которая хотела поступать в театральную. Лизе было восемнадцать: задорная мордашка, светлые кудри, свежее лицо без косметики и пухлые губы. Почти Барби. Они зашли в кафе, потому что Лиза захотела подкрепиться смузи. Паша понятия не имел, что это такое, но в кафе они зашли. Лиза заказала что-то зеленое в высоком бокале, Паша ограничился черным чаем.

- Вы хотели поступать в театральную?

– Да. А теперь не знаю. Вот ужас-то! Кто дядю Сашу убил? Кому это надо? И что теперь будет со мной? Все? Планы коту под хвост? Столько стараний. И в инсте уже всем объявила, что иду поступать. Ради увеличения фолловеров... А теперь к кому идти? – Лиза тараторила без умолку, но было видно, что крах своих планов она переживает не на шутку.

– Хотела поступить?

– Конечно! А потом в сериалах сниматься или в полном метре. Клево же! У дяди Саши знакомые везде были. Уж он помог бы. У вас знакомых в театральных кругах нет? – огорошила его вопросом Лиза.

Паша покачал головой:

– Нет.

– Очень жаль! – со вздохом призналась Лиза.

Она отпила смузи и склонила голову набок.

При каждом ее движении кудряшки, напоминающие спиральки, тряслись и колыхались в такт словам и жестам.

– Как быть?

Девичий лоб прорезала морщинка, отчего Лиза стала похожа на старушку.

– Ну ведь не может быть, чтобы все так и лопнуло.

– Ты часто виделась с дядей Сашей?

Она снова наморщила лоб.

– В последнее время – да.

- А что ты имеешь в виду под «последним временем»?

- Ну... два-три месяца, когда я стала готовиться в институт.

Паша представил себе, как мать, смирившись с выбором дочери, стала лихорадочно прикидывать возможности и искать связи. Брат был под боком, и его следовало обработать, то есть уломать с тем, чтобы он помог Лизе пробиться в институт. До этого брата она особо не знала, а тут вспомнила, что он имеет связи в артистических кругах, и стала осаждать его. Все понятно.

- На предмет чего вы встречались с Александром Николаевичем?

- Поговорить о моей карьере. Куда лучше поступать, во ВГИК или в Щепку? Мне хотелось сразу в кино, но дядь Саша говорил, что это нереально. Нужно все-таки повариться пока в театре. У него были знакомства...

- Что-нибудь в нем не показалось тебе необычным? Странности в поведении?

- Н-нет. Он только говорил, что, возможно, у него скоро будет постоянная работа. Он ведь не был в штате. Крутился, а театра своего не было...

- Он упоминал при тебе когда-нибудь Кирилла Морозова?

- Не помню. Он говорил, что ему нравится театр «На грани». Его возглавляет прикольный чувак - Константин Громуло. Я про него передачу видела. Дядя Саша, кажется, играл в этом театре пару проходняков.

- Что?

- Проходных ролей.

- А...

Лиза пила свой смузи и снисходительно посматривала на Павла. Похоже, все происходящее раздражало ее тем, что наступила полная неясность с дальнейшими планами и карьерой актрисы. Знает ли она про отрубленные руки? Говорила ли ей об этом мать? Или пощадила ребенка?

- Твоя мама не упоминала о том, что труп нашли в странном состоянии?

Тревожный взгляд метнулся на него.

- Н-нет.

Не буду, решил Павел.

- А твой дядя увлекался стихами? Пушкина при тебе читал?

- Нет.

Расставшись с Лизой, Павел подумал, что, наверное, ее поступление в театральный откладывается на неопределенное время, если не навсегда. Таланта у нее явно никакого нет.

Прага. 1922 год

- Бу-бу-бу, - бухтело за стенкой.

Он поморщился.

- Слушайте, поручик, вы и вправду сходите с ума?

Он с интересом посмотрел на вопрошающего.

Молод, задирист, а впрочем, полное ничтожество. Тоска по жене и дочери накрыла его с головой. Он чуть не застонал от душевной боли, скоблившей по сердцу. Когда они еще увидятся? Когда? И суждено ли им увидеться в этой жизни? Или все дым, мираж, суэта сует, как сказал когда-то мудрец Экклезиаст.

Как ему быть в этом мире? На что надеяться? На то, что время повернется вспять, не будет тех двух революций - этого ада, внезапно обрушившегося на Россию. Он помнил, как неприятно и унижительно началась Февральская революция, какое взвинченное возбуждение носилось в воздухе. Керенского

обожали и носили на руках, а он оказался полным ничтожеством, не способным вывести страну из кризиса. Царь Николай II, помазанник Божий, вел себя так, словно он правил не огромной страной, а маленьким княжеством, где всё под рукой и не нужно принимать тяжелых судьбоносных решений. Страна давно катилась к краху, и не видел этого только слепец...

Воспоминания нахлынули на него. Ему есть что вспомнить. Салон Марии Клейменихель. Каким он был тогда наивным и как увлекался всем таинственным, мистическим...

* * *

С Кириллом Морозовым Павел встретился недалеко от театра «На грани». Кафе, где они сидели, было стилизовано под советскую столовую.

Когда Павел позвонил по телефону, Кирилл не сразу понял, зачем его хотят видеть, потом посерьезнел и сказал, что об убийстве Диянова он не знал, но, если это требуется для следствия, конечно, готов встретиться.

Павел вынужден был признать, что Кирилл хорош собой, наверное, женщины сохли по нему пачками. Высокий, стройный, мускулистый синеглазый блондин чем-то напоминал молодого Бреда Питта.

– Я даже не могу поверить, что Александра убили, – сказал он. – Бред какой-то!

– Не просто убили, а отрубили ему руки.

Кирилл издал звук: нечто между возгласом негодования и криком ужаса.

– Вы были друзьями?

– Я бы так не сказал, скорее, знакомыми.

– Когда вы познакомились и как часто виделись?

– В последнее время – чаще обычного. А так – два-три раза в год.

- Чем были вызваны участвовавшие контакты?

- Александр хотел прийти к нам в театр «На грани», поэтому просил о содействии.

- Вы входите в руководство театра?

Павел увидел, что Кирилл невольно смутился.

- Нет, что вы! Я просто там... иногда играю. Пару раз консультировал режиссера. И всё. Никаких руководящих должностей в театре я не занимаю.

- Почему же Александр обратился к вам?

- Он просил помочь ему, похлопотать перед главрежем. Александр думал, что я смогу помочь. Он нигде постоянно не работал и хотел найти площадку, где мог бы играть регулярно.

- У него были враги? Рассказывал ли он вам о своих неприятностях?

- Понятия не имею о его врагах. Ничего подобного он мне не говорил...

- Выглядел ли он в последнее время расстроенным или озабоченным?

- Как обычно, ничего такого за ним я не замечал.

- И между тем его убили зверским способом.

- Я не...

- Хотите посмотреть фотографию? - не унимался Павел.

Он показал снимок Морозову. Тот поперхнулся, и Павлу показалось, что его сейчас вытошнит.

– Ужас! Простите! Кто это мог сделать?

– Мы и пытаемся это выяснить...

– Я о его жизни ничего не знаю толком, я же говорю, друзьями мы не были...

– Подумайте хорошенько. Когда вы с ним встречались в последний раз?

Морозов задумался:

– Кажется, дней пять назад, если не ошибаюсь.

– И о чем говорили?...

– Ну... о делах театральных. Он хотел, чтобы я энергичнее вел переговоры с главрежем. Можно сказать, настаивал. О своих планах говорил. Хотел, как я понимаю, пустить пыль в глаза, показать свою незаменимость. Без блефа актерам обойтись трудно.

Павел подумал, что толку от Кирилла Морозова маловато... Ну а вдруг?

– Советую вам все хорошенько обдумать. Наверняка какие-то детали вы могли упустить. Вспомните, любая мелочь может оказаться зацепкой...

– Я попытаюсь.

Павел оставил свой телефон Морозову и подумал, что распутать это дело будет весьма нелегко.

– Простите, – спросил он напоследок, – а какую роль собирался играть в вашем театре Александр Диянов? Было ли это как-то связано с Пушкиным?

И здесь... Павел мог поклясться, что в лице Морозова мелькнула растерянность, которая, впрочем, быстро сменилась неприкрытым страхом. Он проскользнул, как блик, в одну секунду, но Павел сумел этот страх разглядеть.

– Нет. О конкретных ролях мы пока не говорили.

– Подумайте!

– Если что-то вспомню, я сообщу вам, – быстро проговорил Павел.

Уже вернувшись домой, Павел решил, что надо поговорить с Морозовым еще раз. Ему не понравилось то выражение страха, которое промелькнуло на лице актера.

Турция. Наши дни

Выходящий из моря мужчина был красив как бог. Стройный, поджарый. Анна невольно задержала на нем взгляд, но тут же, устыдившись собственного порыва, отвела глаза в сторону. Докатилась, беззлобно поддела она сама себя, любуешься накачанными мужскими торсами. А надо бы думать совсем о другом. «И о чем же? – ехидно пропел кто-то внутри нее. – О чем тебе еще думать на отдыхе, как не о мужчинах? Ты теперь девушка свободная». При этих словах она поморщилась. Не хотелось вспоминать о расставании с Данилой. Кто был прав, а кто виноват? Какая теперь разница! И зачем это нужно разбирать? Да еще на отдыхе, когда главное – отдохнуть и развеяться.

Анна вспомнила, как ее начальник Вася Курочкин чуть ли не силой выпихнул ее в отпуск, приговаривая при этом: «Пора бы тебе, матушка, и отдохнуть». Когда Курочкин начинал употреблять такие слова, как «матушка», это означало крайнюю степень раздражения. Все-таки Анна знала своего начальника неплохо. Да что там говорить – хорошо. Поэтому она недолго сопротивлялась и согласилась взять отпуск, тем более что Вася выдал ей на дорожку не только отпускные, но и премию. Словно хотел поскорее спровадить ее.

На самом деле Анна понимала, что ему нужен толковый здоровый работник, а не та размазня, в которую она превратилась. Васиной щедрость и внимание означали всего лишь заботу о ценном кадре, имеющемся в компании в единственном числе. Вторую опору фирмы составлял сам директор.

Дома Анна немного всплакнула. Было непривычно идти в отпуск в одиночестве. Раньше такие проблемы занимали ее меньше, а вот с некоторых пор – по мере

приближения к тридцатилетию – возраст стал чувствоваться острее. Еще, конечно, все не фатально – все-таки ей не сорок, тем более – не пятьдесят. Пятьдесят лет Анне вообще представлялись недостижимыми и далекими, как пустыня Сахара... хотя она понимала, что время пролетает молниеносно, и этот возраст наступит гораздо раньше, чем она думает.

Анна зашла в интернет и стала просматривать предложения турфирм. Все было ярко, красочно и... стандартно. Турфирмы, словно соревнуясь друг с другом, предлагали измученному работой, неурядицами и просто бытом потребителю один тур краше другого. Там были и экзотический Бали, и Таиланд, полюбившийся россиянам в последние годы, присутствовала европейская экскурсионка: Прага, Париж, Вена, предлагались изученные вдоль и поперек Египет и Турция... Словом, глаза разбегались, и трудно было остановиться на чем-то одном. Каждый вариант был хорош по-своему, и у каждого была своя изюминка, но экскурсии Анна отменяла сразу, потому что она нуждалась прежде всего в отдыхе, а не в походах по музеям и достопримечательностям, какими бы выдающимися они ни были. Все это как-нибудь в другой раз, решила она. Сейчас – долгожданный отдых, в котором я так нуждаюсь, раз сам начальник выпроводил меня из офиса под белы ручки.

Внезапно Анна подумала, что чем проще, тем лучше, и для ее целей вполне подойдет Турция. Разве это плохой вариант?

Анна зашла в турбюро, находившееся рядом с домом, и купила себе тур на десять дней. Вполне достаточно, подумала она. Длительное пребывание на солнце мне повредит. Да и мозги слишком расслабятся... А вот десять дней – самое оно.

...В самолете она ни о чем не думала, только вспоминала Васю, который сказал ей: «Без красивого загара и легкой головы не возвращайся. Сиди там, пока не наберешься сил».

* * *

...Выполнять программу по красивому заггару она начала сразу, в первый день же день облюбовав уютное место на пляже. Она лежала на топчане, представляя, как выглядит со стороны: в новом купальнике, купленном на скорую руку – сине-бирюзовом, с эффектными белыми полосками; в темных фирменных очках,

закрывающих пол-лица. И только она села, чтобы посмотреть на море, как увидела ЕГО... Красавца-блондина, который невольно смутил ее... Наверное, длительное отсутствие секса так действует: мужчины видятся в другом, волшебном свете. Чуть ли не богами...

В этот момент она рассердилась на саму себя и снова легла, чтобы никого не видеть. И неожиданно услышала:

- Место свободно?

Анна открыла глаза и мгновенно села.

К ней обратился тот самый блондинистый бог... Вблизи он был еще лучше, красивее – пресс кубиками, как это сейчас модно, синие глаза... Она внезапно покраснела.

- Э... свободно.

- Спасибо. Я сейчас...

Через минуту блондин уже устроился рядом с ней. Они сидели на соседних топчанах и разговаривали. Анна ошутимо напряглась. Она вдруг вспомнила, что ее фигура далека от совершенства, надо было не лениться, а хотя бы изредка ходить в фитнес-клуб и тренироваться, тем более возможности сейчас есть. А так...Она представляет собой не очень красивое зрелище. Ноги не накачаны, животик провисает, мышцы рук тоже дрябловаты...

- Вы здесь первый день?

- Да.

- Как жаль!

- Почему?

Анна прищурилась, принимая вид роковой красотки, подсмотренный в каком-то глянцевоm журнале.

– Потому что я завтра утром улетаю. Мой отдых закончен. Се ля ви. Все хорошее, к сожалению, когда-нибудь заканчивается. Так что мне не повезло: приятное знакомство – и в самый последний день... Какой нонсенс.

Анна дипломатично промолчала. Да и что она могла сказать? Неужели она понравилась этому красавцу с первого взгляда? Разве так бывает? Что за низкая самооценка, одернул ее внутренний голос. Не надо заниматься самобичеванием!

– Будем знакомы. Кирилл.

– Анна...

– Так звали мою маму, – с грустью в голосе сказал Кирилл. – К сожалению, ее уже нет. Но я ее помню, и мне не хватает материнских советов.

– Да... – Матери у Анны не было, она умерла, а об отце – тиране и алкоголике – лучше было не вспоминать. Тем более что сейчас она жила от него отдельно и не должна была терпеть его выходки, как раньше. То время Анна не могла вспоминать без содрогания... Как только она смогла все вытерпеть, не сломаться и не превратиться в законченную стерву!

– Вы отдыхаете одна?

– Одна. – Тут Анна рассердилась. – А что? – спросила с некоторым вызовом.

– Просто так, – стушевался блондин. – Я вас обидел? Слушай, может быть, на «ты»?

– Может...

Кирилл посмотрел на часы.

– Мне нужно съездить в город – закупить сувениры для своих родственников и знакомых. Терпеть не могу это занятие, но деваться некуда. Если не привезу – стану для всех врагом номер один. Поэтому я бы с радостью остался здесь с тобой, но... – Его указательный палец уставился на Анну. – Я приглашаю тебя

сегодня вечером в ресторан и не приму отказа. Все будет очень красиво, обещаю... в каком ты живешь номере?

- В двести пятом.

- Отлично. Вечером я постучусь к тебе... И еще - твой номер телефона?

- Я не взяла роуминг, решила отдохнуть ото всех.

- Понимаю... еще как понимаю. Иногда хочется всех послать к черту и остаться одному. Но увы... Никак не получается. Дела, обязательства...

У Анны на языке вертелся вопрос о семейном положении своего нового знакомого, но она сдержалась.

Блондин встал.

Теперь это божество нависало над ней:

- Итак, до вечера...

- До вечера, - эхом откликнулась Анна.

* * *

Вторую половину дня она пребывала в странном смятении. Вроде бы не произошло ничего особенного. Ну да, знакомство, но куда оно приведет? Тем более - завтра Кирилл уезжает. Но все же, все же... Не каждый день на нее обращают внимание такие интересные мужчины. Не каждый... И что это было? Неужели она способна покорять мужчин с первого взгляда? Анна была невысокого мнения о своих женских способностях, хотя частенько себя ругала за это. Как ты себя ощущаешь, так тебя люди и воспринимают. Она прекрасно знала эту нехитрую истину, но не могла считать себя покорительницей мужчин, роковой женщиной, с легкостью разбивающей сердца...

Мысленно она вернулась к Кириллу. Бывает же любовь с первого взгляда... Хотя, по правде говоря, ни о какой любви пока речь не идет... Просто она понравилась очень интересному мужчине, он пригласил ее в ресторан – и всё, одернула она сама себя. И хватит фантазировать на пустом месте. Может, чел просто хочет срубить напоследок необременительный секс. Подарит ей красивый вечер, а потом потянет в койку... А ты уже размечталась... Тебе нужно обладать более практичным умом и твердо стоять на ногах, а не парить в облаках...

Анна волевым усилием заставила себя не думать о предстоящем свидании. Если все станет скатываться в пошлость и банальность – она даст отпор. Дешевое одноразовое приключение – не для нее. Пусть красавец не рассчитывает на легкую добычу...

* * *

...Ровно в семь часов к ней постучались. Она была уже одета в вечернее платье, которое положила в чемодан в самый последний момент. Как оказалось, не зря!

Платье было чуть ниже колен. Темно-синее, с тонкими лямками и серебристой вышивкой на груди. Волосы Анна распустила, и они красивыми волнами спускались ниже плеч. Косметикой она решила воспользоваться по минимуму: блеск на губы и тушь на ресницы. Кожа, конечно, бледновата, приобрести красивый загар в соответствии с пожеланием начальника она еще не успела, но что есть, то есть...

Анна открыла дверь. Блондин стоял, прислонившись к стене, и улыбался:

– Готова?

– Как видишь!

– Тогда – пошли.

* * *

Вечер и вправду был замечательным. Кирилл выбрал удобное место: они сидели за столиком, и перед ними открывался прекрасный вид на море. Вечерело, вода из синей становилась темно-бирюзовой, лучи заходящего солнца тонким слоем, как разлитые акварельные краски, растекались по воде... Змейками струились по ней, взбаламучивая ровную гладь.

Кирилл рассказывал о себе. Оказалось, он служит в МИДе... Нет, нет, не в главном аппарате. Всего лишь скромный клерк, который выполняет свою работу, скучные рутинные обязанности, ничего возвышенного и романтического. Он не посол и не дипломат первого ранга. А кем работает Анна? На секунду она замялась: говорить или нет? Но все же решилась: в историко-консультативном центре. При этом известии глаза Кирилла расширились.

- Бог мой, май год, как говорит начальник, как это интересно!

- Ну... - протянула Анна. Рассказывать особо не хотелось, но и принижать себя - тоже.

- Есть какие-то сногшибательные дела? - поинтересовался Кирилл.

- Дела разные... - уклончиво сказала Анна.

- Понимаю, - подмигнул ее собеседник. - Конфиденциальность.

- Этот момент всегда присутствует, - несколько назидательно сказала Анна.

Разговор плавно перешел к родственникам. У Кирилла была сводная сестра Ника.

- Забавное существо, - сказал он, - очень забавное. Немного сумасбродная, но очаровательная. Ветер в голове, хотя надо бы уже немного остепениться. Возраст приближается к тридцатнику, не девочка.

При этих словах Анна невольно съежилась. «Не девочка» и «тридцатник» - это было и о ней, об Анне. Понимает ли это Кирилл? Похоже, что нет. Она с облегчением выдохнула.

– Ника играет в театре... Увлекается девочка, увлекается... Но у меня с ней прекрасные отношения, и она всегда может рассчитывать на меня... Кстати, я тоже играю в театре, но не главные роли. Это скорее мое хобби, и театр у нас очень своеобразный. Может быть, слышала о таком? Называется «На грани». Хотя сначала собирались назвать его «Сукины дети», но вовремя спохватились, а то сейчас был бы прикол на всю Москву. – И Кирилл смеется.

– Как интересно... – Анна подается вперед. – Играть в театре!

Кирилл скрещивает руки на груди:

– Кайф – есть! Отрицать не стану. Сначала думаешь – зачем это? Ну, один раз попробую, и всё! Не собираешься участвовать во всем этом и сам себе говоришь: «Один разок». А потом понимаешь, что одним разом не обойтись... Никак. Потому что опасный вирус под названием «театр» уже проник в тебя, и тебе ничего не остается, как постоянно принимать этот сладкий наркотик, иначе жизнь кажется скучной и пресной. Был человек – и пропал. Наверное, я тебе кажусь немного сумасшедшим. Но те, кто попробовал играть, – все такие. Крейзи. И никто меня не переубедит в обратном.

Анна слушает его голос – так вода отскакивает от гладкой поверхности – стаккато. Никогда бы не подумала, что страсть к чему-то может захватить целиком, но театральные люди – особые. Театр для них – вся жизнь... Попробуй втолкуй им, что жизнь не ограничивается кругом сцены, есть еще тысячи вещей, которые могут радовать... Неужели Кирилл как раз такой? Из этой породы, отмеченной театром, как клеймом?

– Правда, в последнее время... – И Кирилл внезапно замолчал. – Я немного к театру поостыл. И тому есть причины. Не все мне нравится... – произнес он с некоторым нажимом. Потом потрянул головой. – Ладно, разберусь...

– Какие-то любопытные последние постановки?

Он смотрит на нее, а она отводит взгляд.

– Есть! – Он замолкает. По лицу пробегает тень. Кирилл как будто бы пытается что-то вспомнить и не может.

– Мы сейчас ставим «Сон Татьяны и Онегина». Как самостоятельный спектакль. Он небольшой, но там есть смысл. Есть игра! Все очень тонко! Очень... – Он замолкает и смотрит в сторону. – Там играем я и Ника, моя сводная сестра.

– У меня тоже есть сестра... сводная... – говорит Анна.

И замолкает. Может ли она говорить о своей сестре – известной телеведущей, которую знает если не вся страна, то бо?льшая ее часть? Нет, лучше она не будет говорить об этом...

Луна покачивалась на волнах, словно собираясь нырнуть в воду: она примерялась к своему погружению, пробуя на вкус блестящую темную поверхность. Кирилл был очарователен: рассказывал разные истории, шутил, смеялся... Фонарь бросал на него свет. «Я умею хранить молчание...» – было написано белыми буквами на черной футболке. Какая двусмысленная надпись... Хотя мужчина, умеющий хранить молчание, дорогого стоит.

Анна расслабилась и подумала, что, если Кирилл захочет остаться с ней на ночь, она... пожалуй, не станет его отталкивать. Наверное, в этом была виновата коварная луна, разливавшая по воде призрачный свет, от которого глаза мужчины блестели, словно все происходящее имело какое-то особое значение: каждый звук и жест таил в себе множество смыслов. К тому же он умеет хранить молчание... Но что он подумает о ней? Не сочтет ли легкомысленной девицей, готовой прыгнуть в койку с первым подвернувшимся кавалером?

Она терзалась этими вопросами, они не давали ей расслабиться. Она примерялась к роли, которую ей предстояло сыграть, но совершенно напрасно, потому что Кирилл проводил ее до двери номера и скорчил гримаску со словами, что завтра рано вставать, у него самолет и надо хорошенько выспаться перед полетом. Он ушел, помахав ей на прощание рукой. Но перед тем как покинуть Анну, взял номер ее телефона и сказал, что в Москве обязательно позвонит.

* * *

Не успела Анна прибыть в Москву, как к ней явился курьер с огромным букетом роз.

- Распишитесь, - протянул он ей квитанцию.

- От кого?

- Там все написано.

Можно было и не спрашивать: в букете была записка: «Моей новой знакомой – очаровательной Анне. От Кирилла». Розовая бумага, завитушки по краям.

- Спасибо.

Анна взяла букет и уже в коридоре посмотрела на себя в зеркало. Щеки горели, глаза блестели.

- Ну и ну!..

Неужели она стоит на пороге нового романа? Кто бы мог подумать, чем обернется для нее эта поездка в Турцию!

* * *

На работе Вася Курочкин заметил, глядя на нее:

- Хорошо отдохнула! Сразу видно по тебе...

- Хорошо! - подтвердила Анна. - Отдыхать я не привыкла, но организм требовал срочной перезагрузки, иначе я бы просто не выдержала.

- Я так и понял, поэтому как шеф, который денно и ночью заботится о своих подчиненных, отправил тебя в отпуск. И теперь вижу, что результат налицо. Точнее, на твоём лице. С кем-то познакомилась? Вся сияешь! Давненько я не видел тебя в таком состоянии.

- Вася! Это уже лишнее и личное.

– Всё! – Начальник вскинул руки, – Сдаюсь! Не буду... и кстати, приступаем к работе... Есть небольшое дельце, которое требует предельного внимания и сосредоточенности.

* * *

Кирилл позвонил на следующий день после ее приезда.

– Привет!

– Привет!

– Как дела? Может, сходим в театр? В тот, где играет Ника? Моя сестра, о которой я тебе говорил! Ну и я... подвизаюсь... Сегодня я играю, посмотришь... Роль совсем небольшая, мягко говоря... Но тем не менее...

– Я помню. С удовольствием. – Анна хотела прибавить, что в театр она в последнее время ходила нечасто, так ее отпугивал современный репертуар. Либо чернуха, либо уж совсем тошнотворные сцены, чуть ли не поедание экскрементов, и все это выдается за смелое авангардное искусство, волну новых веяний в старой замшелой драматургии. Хотя Анна помнила, как в детстве она ходила на классический спектакль по Шиллеру «Коварство и любовь», и ей все понравилось, театр оставил впечатление чего-то возвышенного и легкого. Без истощных криков, воплей, обнаженки, выворачивания всего и вся, что присутствует на современных подмостках...

– Вот и замечательно! – воскликнул Кирилл.

– Спасибо за букет.

– А... это... мне захотелось сделать тебе приятное... Ну так как? Идем?

– Идем! А где и когда встречаемся?

– В пять. На Никитском бульваре... Там пройти недалеко. Пешочком минут десять – и мы в театре. Там мы разделимся. Я пойду в примерку. А ты – в зал...

– Спектакль начинается в пять?

– Нет, я просто хочу с тобой погулять... Погода хорошая, и надо пользоваться моментом.

Осень в этом году выдалась теплой. Золото лениво текло по деревьям, земле, скамейкам и темнеющим прудам. Уходящее солнце затапливало город нежным молочно-золотистым светом. Они шли по бульвару, Анна смотрела себе под ноги.

– Однажды я так нашла старинную монету, с тех пор появилась привычка на бульварах смотреть под ноги. Представляю себе, как коллекционер торопился и обронил монету. Вдруг я найду что-нибудь еще, если стану внимательно смотреть на дорогу.

– Занятно.

Кирилл был невесел. Сегодня он надел джинсы и светло-серую куртку, а не футболку с надписью «Я умею хранить молчание...».

– Что-то случилось?

– Нет-нет. Это так, пустяки. Мелкие неприятности по работе. В принципе я, наверное, слишком мнителен, надо выкинуть все из головы. Давай лучше поговорим о тебе.

– У меня ничего особенного. Я только вышла на работу, и мне уже дали задание. Скоро отпуск выветрится из головы, как будто бы его и не было. Так жаль! Все хорошее пролетает быстро, как одно мгновение...

– Какое задание?

– Нудное и бестолковое. И я тоже не хочу говорить о работе...

* * *

Спектакль был странным. Анна не сразу поняла, что это сон из «Евгения Онегина». Татьяна напоминала маленькую девочку, заблудившуюся в лесу. Позже – в сцене в избе – вокруг нее были странные люди, напоминавшие вампиров. Какое-то отступление от текста... Да еще оформление спектакля... Яркие кричащие краски, ломанные линии... Кирилл играл одного из гостей, присутствующих в избе, куда пришла Татьяна... По виду – был похож на вампира. Под толстым слоем грима Анна с трудом узнала его.

– Как тебе спектакль? – спросил ее Кирилл, когда они вышли на улицу.

– Странный!

– Да? – Он остановился и посмотрел на нее. – И я так думаю – очень странный. Зачем только Ника в нем играет? Непонятно...

– Ей нравится?

– Не то слово! Она увлечена этим театром и этим режиссером. – Слово «этим» он выделил. – А по-моему – жуткий тип! Ты не находишь?

– Своеобразный! – уклончиво сказала Анна.

– Это еще мягко сказано, – мрачно заметил Кирилл. – Я пытался ее отговорить от этого эксперимента, не играть в спектакле, но мои доводы на нее не подействовали.

– Если человек чем-то увлечен, отговаривать его бесполезно.

– Похоже на то! Ника – дура! Не доведет ее до добра этот хмырь.

Вскоре Кирилл поменял тему. Но через какое-то время вдруг остановился.

– Слушай!.. – произнес он с запинкой. – Тебе когда-нибудь приходили письма с угрозами?

– Угрозами? – Анна тоже остановилась. – Нет. А почему ты об этом спрашиваешь? Тебе приходят такие письма? От кого?

– Если бы знать, – мрачно ответил Кирилл. – Анонимки. Хочет порезвиться. Умник. Знал бы – убил.

– Я могу тебе помочь...

С минуту-другую Кирилл колебался.

– Слушай! Если что – я могу обратиться к тебе за помощью? Не сейчас. Позже... мне нужно кое-что выяснить самому... Пока не время.

– Да. Конечно, но, может, лучше – расскажешь сейчас?

– Нет, – отрубил Кирилл. – И не будем об этом. Я сам все скажу. Но позже...

В метро они расстались. И всю дорогу Анна терялась в догадках. Почему же он все-таки не сказал ей, в чем проблема? А проблема была. И судя по всему, серьезная...

Глава третья

Сюрпризы из табакерки

Мелких предательств не бывает.

Андре Моруа

Петроград. 1916 год. Салон графини Клейнмихель

– Ну зачем, зачем вы мне об этом говорите? – Одна из посетительниц салона манерно растягивала слова, говоря в нос. При этом она внимательно осматривала гостей, оценивая их. Салон у «самой Клейнменихи», как называли хозяйку за глаза, был поставлен на широкую ногу. Кто только не толкался в нем: и сановные лица, высокопоставленные чиновники, графья, князья, бароны, сам

Распутин бывал здесь... Говорили, что хозяйка салона связана с некими темными силами, свою родословную она ведет аж от легендарного негодяя Ризнича, того самого, что прибыл в Одессу с красавицей женой, в которую влюбился Пушкин. Правда, Амалия прожила недолго, умерла молодой. Был ребенок, была запутанная личная жизнь, в которой место находилось не только Пушкину, но и другим. И угасла она как-то быстро – то ли климат не подошел, то ли еще что-то было... дела темные, непонятные. А сам Ризнич горевал недолго. Вскоре женился, родились дети, и пошла другая ниточка родословной, связанная не с бедной Амалией, которой посвятили «для берегов отчизны дальней», а уже с другой женщиной... И ниточка эта была не менее интересна, чем красавица Амалия, потому что...

Гостя пригубила лафайет и с прищуром посмотрела на Клейнмениху. Красива – да, но красота какая-то хищная, плотоядная. Муженек у нее знатный... Якшается со всякими спиритуалистами, оккультистами, масонами... По последним данным – здесь гнездится штаб английской разведки. Во всяком случае, одного агента она тут заприметила... Ее дело – внимательно за всем наблюдать, делать выводы и докладывать кому надо...

* * *

– Сегодня опять у нее?

– Опять.

Он посмотрел на своего визави с неким любопытством. Вроде бы человек свой, но кто знает, что таится за этим высоким лбом и капризным изгибом губ. Сейчас все словно раздвоилось. С виду благопристойные порядочные граждане, а внутри... Людей словно охватила лихорадочная жажда всех удовольствий сразу. Никто не хочет ждать, кровь бурлит и закипает. Оно и понятно – обстановка тревожная... Война! Дела плохи. Все разваливается. Недавно прошли немецкие погромы, а что будет дальше – никто не знает. Содом и гоморра! Случайно ли люди стали искать ответы на свои вопросы в другом мире? Не в этом, а в том, загадочном и потустороннем, которому еще нет названия.

Вспомнились вдруг строчки из Апокалипсиса, и он осенил себя широким крестом... Боже, спаси и сохрани Россию!

Салон Клейнмихель он знал неплохо. Дамочка бойкая, верткая, собрала вокруг себя любителей всего загадочного и потустороннего, желающих моментального путешествия в миры неизведанные. Никто не хочет земных странствий – всем сразу подавай то, чему еще и определения нет... Хотя, если задуматься, спиритизм – явление не новое...

* * *

Он на цыпочках зашел в кабинет отца. Тот сидел и читал книгу «Сборник уложения».

Увидев сына, отложил очки и спросил:

– Что, Алеша?

От этого ласково-умилительного «Алеша» хотелось плакать – как в детстве.

– Да... я... – Он мялся, не решаясь сказать, что хотелось просто прийти и поговорить с отцом. Но тот словно понял его сомнения.

– Проходи... Ты что-то поздно?

– Да я... был... – И краска залила его лицо. – У Марии Эдуардовны Клейнмихель.

– Ты, конечно, уже взрослый, но помни, что соблазнам поддаться легко, а честь сохранить трудно, тем более сейчас времена смутные... Туча висит над Россией, и когда она развеется – неизвестно. Нужно быть готовым ко всему...

Хотелось спросить, что это значит, но он не решился. Спустя какое-то время все же набрался смелости.

– То есть все так плохо? – И устыдился своего слишком детского вопроса. Ему ведь так хотелось выглядеть взрослым.

– Не просто плохо, а скверно! Изо всех щелей на страну полезли супостаты... И несть им, кажется, числа... Встал на дыбы зверь Апокалипсиса, и как его

укротить – никто не знает.

– А царь?

Отец молчал, словно обдумывал про себя какую-то мысль.

Наконец вздох вырвался из его груди.

– Царь слаб... – Он посмотрел на икону в углу. – Он не один, вокруг него советники. Они-то и погубят страну. Жаль, что это понимают немногие, Алеша. Боюсь, что для России наступают тяжелейшие времена, и надо готовиться к худшему.

* * *

Было темно. Ему чудилось, что он слышит дыхание людей рядом. Но кто справа от него? А кто слева? Он вроде бы все хорошо помнил, но уже, оказывается, позабыл. Его внезапно прошиб холодный пот. Вспомнилась длинная витая лестница в подмосковной усадьбе: когда он шел по ней в темноте – на ощупь, не глядя на перила, – было ощущение, что еще один шаг – и он свалится в неминуемую пропасть... Так и здесь... Страшный обряд, когда человеку как бы шутя отрубают руки...

* * *

...Собеседник был тучен и явно страдал одышкой. Алексей старался попасть в такт его шагам, но получалось плохо. Он то забегал вперед, то отставал. В сумерках ему виден был профиль собеседника – надменный, углы губ опущены вниз, подбородок вздернут кверху. «Видали мы и не таких желторотых юнцов», – казалось, говорил весь вид этого господина. Алексей невольно покраснел. Боже, сколько еще он будет стыдиться возраста, хоть бы поскорее повзрослеть и доказать всем свою самостоятельность.

– Ну-с, молодой человек. Что вы скажете на все это? – услышал он справа.

Так он и думал: опять его с насмешкой называют «молодой человек»! Алексей стиснул зубы. Когда же все это кончится?

– Россия в беде, и только Божья помощь может спасти ее...

– Я не об этом. – В голосе надменного господина прозвучала легкая досада. – Положение нашей страны, конечно, внушает опасения каждому добропорядочному гражданину, радеющему о судьбах Отечества. С этим я не спорю. И ваши заботы – весьма похвальны. Я о другом... Как вам наша хозяйка, прелестная Мария Эдуардовна? Как вам у нее?

– Ин... интересно, – чуть заикаясь, сказал он. И тут же одернул себя. Чего он волнуется? Зачем?

– Интересно, – хмыкнул его собеседник. – Не то слово. Оно слишком... бледно. Эти собрания, эти ритуалы... Вы, наверное, слушали невнимательно.

Он покраснел вторично.

– Да. Виноват-с...

– В следующий раз будьте внимательны. Вам может пригодиться... Хозяйка – женщина непростая, как вы уже поняли. Ее салон – один из самых посещаемых в нашем городе. Кто здесь только не бывает! – Господин закатил глаза. – И все это неспроста.

– Да, да, конечно, – торопливо согласился с ним Алексей, чтобы только не прослыть желторотым глупцом.

– Как вы относитесь к Александру Пушкину? – внезапно спросил господин.

– Поэт любимейший и благороднейший... Семейное чтение с молодых лет. Люблю слушать и романсы. Например, «Для берегов отчизны дальной...».

Господин даже остановился.

– «Для берегов» – это уже весьма любопытно... Знаете ли вы, кому оно посвящено?

– Конечно! Амалии Ризнич.

– Вот именно! – с каким-то необычайным воодушевлением воскликнул его случайный знакомый. – Вот именно, блистательной Амалии. А как судьба обошлась с ней? Как? Какой ужасный скоротечный конец... Ей бы радоваться жизни, но ее зачем-то отсылают из Одессы, она едет за границу, там попадает в лапы Собаньского. Скоротечная чахотка... И всё... Каково это, а?

«Каково это...» – повторил про себя Алексей. А вслух выпалил:

– Ужасно!

– Вот именно – ужасно, тут я с вами, молодой человек, полностью и абсолютно согласен. Ужасно! Она умирает, угасает... А наш Ризнич женится вскоре на другой... Как будто Амалия ему чем-то не угодила. А? Вы не находите? И чем же ему могла не угодить молодая цветущая женщина, вы не задумывались?

– Виноват-с... Я Пушкина люблю, но...

– Об этом не думали, – словно угадал его мысли незнакомый господин. – А зря, молодой человек, зря. Кстати, как вас зовут?

– Алексей Самарин. А вас?

– Можете называть меня Василий Христофорович.

«Называть», – мелькнуло в голове у Алеши. Это не настоящее его имя или это такой фигуральный оборот речи? Сейчас многие стараются щегольнуть словечком, так сказать, продемонстрировать свою ученость и осведомленность.

– Нет-нет, это мое настоящее имя, – поспешил успокоить его Василий Христофорович. – Даже не волнуйтесь... А вот подумайте – чем ему не угодила Амалия?

– Даже не знаю, что и думать. Может быть, поведение супруги, ее страсти южные, романы с известными людьми... Самолюбие супруга, оскорбленного в своих лучших чувствах...

Господин издал короткий смешок.

– Кхе-кхе... сразу видно, молодой человек, Алексей, как вас по батюшке?

– Владимирович, – откликнулся он.

– Вы молоды и в супружеской жизни неопытны. Когда и кого останавливала ветреность супруги? Это, так сказать, правила великосветские, в которых мы живем. Думается, что причина не в этом... Далеко не в этом.

– А в чем? – спросил он и чуть не споткнулся. – К сожалению, не имею ни малейшего представления...

– Вы совершенно правильно указали, что Амалия имела романы – факт общеизвестный. Она вращалась в обществе – поклонники окружали ее, красивая женщина во главе такого вот салона – это всегда... Ну, вы понимаете?

– Да? – В вопросе Алексея прозвучало не то сомнение, то не размышление.

– Салон – это всегда штаб идей, интриг, слухов и сплетен, где успешно работают всякого рода лазутчики и осведомители, иногда и шпионы – радетели в пользу чужого государства, имеющего другие интересы в политической диспозиции.

Алексей прислушивался внимательно. Было все более и более захватывающе...

– Так и наша Амалия прекрасная... Чем не прикрытое для богатого, кхе-кхе, негоцианта... Слово какое – «негоциант», помилуйте, вместо купца... Все чем-то торгуют... Область тоже примечательная. Откуда этот наш Ризнич родом? Далмация. Близость к Венеции светлейшей, царице Адриатики... Понимаете, да?

Он ровным счетом ничего не понимал из этого разговора, если только – самую малость...

– Вы еще так молоды...

«Сейчас я его тресну, ей-богу!» – проскрежетал про себя Алексей.

– Когда вырастете, многое поймете про всякие тайные и явные общества, которые правят нашим миром... А про Амалию и Ризнича можно романы писать. Попробуйте... Вдруг когда-то мой совет пригодится...

* * *

Первое, что бросилось в глаза, – надменный вид хозяйки, словно она заранее отводила ему ничтожное место и даже не пыталась это скрывать.

Она его лорнировала и, кажется, смеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/barsova_ekaterina/solnce-zavtrashnego-dnya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)